

ЗАПИСКИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Литературные миниатюры

«ЗАПИСКИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ» – ЭТО ПОПЫТКА НЕ только осмысления явлений и тенденций, которые наблюдаются в христианстве во «времена тяжкие», но и страстное желание защитить, укрепить и реформировать церковь. Нельзя удерживать слово, если оно может помочь во времена глобальных кризисов, особенно духовных. И «было в сердце моем как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, – и я истомился, удерживая его...» (Иер. 20:9).

Если бы христиане, которые непрестанно провозглашают мрачную/страшную весть об опасностях биологических вирусов, печатей, начертаний, антихриста, вакцин и 5G полей – проявляли хотя бы такую же пылкую ревность и бдение о своих ближних, предупреждая их о вечно смертельно опасных вирусах/излучениях невидимого/духовного информационного «поля» и неся им спасение/исцеление, Христа/Евангелие, – цены бы им не было.

«Записки смутного времени» составлены в форме литературных миниатюр/композиций, без определенного жанра и стиля. Они писались и продолжают писаться изнутри, скорее из глубины сердца, чем в сознании. Я не пишу, я не пишу, осколки раненого сердца, лишь достаю со дна души. Очень часто пишу сквозь душевную боль

Иван Лещук - пресвитер, кандидат технических наук. Автор книг "Экология духа", "Лабиринты духовности", "Исповедь". Один из авторов статей "Славянского Библейского Комментария". Ведущий радиопрограмм "Грани жизни", "Семья и школа", "Душевное здоровье". Специалист по работе с родителями (школа Community Outreach Academy) и психическому здоровью (Slavic Assistance Center). США.

и слезы. Из глубины духа поднимается волна вдохновения, которую невозможно сдерживать, особенно во время карантина и пандемии. А потому, мои записки очень эмоциональны, метафоричны и могут показаться даже неудобовразумительными. Но я твердо верю, что искреннее, любящее Господа сердце, прочтает «между строк» и извлечет «драгоценное из ничтожного».

Смиренно осознаю, что предлагаемы читателям «Богомыслия» записки – это всего лишь маленькая свеча, призванная рассеивать духовный хаос и тьму в смутные времена. Мы странники и пришельцы на этой земле, мы все еще на пути, а смутные времена всегда были, есть и будут повторяться. А потому, я вновь ловлю волну вдохновения и продолжаю писать, дабы защитить, укрепить и реформировать церковь. Иногда мои записки радостны и поэтичны, порой – печальны, грустны, обличительны. Но всегда искренни, из глубины сердца исповеданы. Я передал вам слово души моей. Veritas Pro Christo et Ecclesia. (Иван Лещук).

“Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям”.

За что, Господь изгнал нас из Его храма?

Почему наши церкви пустые?

За что Он отлучил миллионы христиан от святого Причастия?

И поместил нас на карантин, и предал “плению”?

Почему, для чего и доколе?

Вразуми, пробуди, исцели и помилуй нас, Господи!

НЕ ПОКИДАЙ НАС, ГОСПОДИ. ОСОБЕННО ВО ВРЕМЕНА СМУТНЫЕ

Анализируя свою жизнь, где-то в глубине души многие из нас понимают, что жить так дальше нельзя. Возможно, мы уже давно потеряли нечто главное в нашей жизни. Возможно, и наше христианство хромает на оба колена, хилое и убогое. Вероятно, и нам нужны радикальные перемены в отношениях с Богом и ближними. И хорошо, если совесть подсказывает, что музыка нашей жизни нуждается в корректировке, что в ней слишком много диссонансов и фальшивых нот, что нам необходимо пересмотреть свои цели и приоритеты. Ведь может оказаться, что не только храм каменный, но и храм нашей души уже давно опустел, оставлен Господом. А это значит, что мы потеряли Главное.

К сожалению, многие из нас живут в перспективе только земной, временной жизни. Нередко мы существуем в суете и томлении духа, крутимся, как белка в колесе, в погоне за призрачными целями – обольщаясь славой, накопительством, временными удовольствиями, показной роскошью. От зари до зари работаем на «кредитную историю», на собственную репутацию. Современный «коммерческий Вавилон» всеми силами вовлекает нас в материализм, оцепенение материальными средствами. Сознание незаметно пропитывается идеями о преуспевании,

благополучии, личном покое и благосостоянии. И даже “на карантине”, мы наивно верим, что земное «светлое будущее» — не за горами.

«Цели нет передо мною:
 сердце пусто, празден ум.
 И томит меня тоскою
 однозвучный жизни шум».

Минуты подобного внутреннего разочарования переживал не только русский поэт. Кстати, Александр Пушкин сожалел о «коварных стремлениях преступной юности», о самолюбивых мечтах, об «утехах юности безумной». Он сознавал, что «в пылу восторгов скоротечных, в бесплодном вихре суеты, о, много расточил сокровищ» он сердечных — «за недоступные мечты».

Пойдите «в народ», и вы услышите сонм голосов, вопрошающих: «Есть ли у нас будущее? Отчего так тоскливо живется в наши смутные, безверные дни? Отчего ностальгия порой находит даже на самых сильных и зрелых? Отчего внутренний раскол, страх, дисгармония души поражают современного человека? Чего ему не хватает? Что будет с нашими детьми? Что происходит с обществом?»

Не оттого ли всё это происходит, что мы все дальше и дальше не просто уходим, а улетаем от Источника Жизни? Не оттого ли, что мы все больше и больше внутренне, духовно сиротеем, надеясь на себя и собственные силы, свою духовность и религиозные программы? И водительство свыше для нас — чисто теоретическое, на уровне провозглашений. Но излученные нами акустические волны быстро затухают, в них нет духа жизни. А в реальной жизни — пустота, неудовлетворенность и горечь, даже при материальном благополучии. Ведь душа без Бога — сирота. Наша достаточность — только в Нем. Без Бога и церковь сирота. Без присутствия и действия Его Святого Духа церковь превращается в бюрократический институт, бизнес-структуру, пыльный музей, клуб по интересам... Не покидай нас, Господи! Особенно во времена смутные.

Мы забываем, что человек был создан для общения с Богом. И не случайно старец Силуан Афонский, размышляя о духовной жизни, писал: «Душа моя жаждет Бога живого. Душа моя снова ищет насладиться Господом. О, непостижимая милость Божия: из праха создал Господь человека и вдунул в него дыхание жизни, и душа человека стала родная Богу». Наша душа — родная Богу! И без общения с Ним, мы никогда не достигнем гармонии в жизни, но всегда будем чувствовать себя ущербными. «Ты создал нас для Себя, и наши сердца мнутся пока не успокоятся в Тебе». Я искренне присоединяюсь к этому глубокому по смыслу исповеданию блаженного Августина, прозвучавшему на заре развития христианства. Не покидай нас, Господи! Особенно во времена смутные. Современный человек запутался в хаосе культуры (или бескультурия?). «Духовный Вавилон» опьянил его, сделал нетрезвым. Многие души

блуждают во тьме, в лабиринтах жизни, не видя выхода, не видя просвета. Многие увлечены «прелестями» греховного, развращенного мира. Многие уже давно перегрузили свою жизнь в виртуальные миры интернета. Им только кажется, что это их пространство. На самом же деле «черные дыры» всемирной паутины давно поглотили и запрограммировали часть современного общества на свой стиль жизни, на свою «ориентацию», повредив ум, опустошив душу, заразив информацией, которая необратимо изменяет личность человека, в особенности ребенка. Не покидай нас, Господи! Особенно во времена смутные.

За все давно и не нами заплачено. Кому-то это выгодно и нужно. Кто-то давным-давно поставил цель — увлечь человечество «по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2:8), духовно опьянить и связать человеческую душу, ввести в зависимость — от яркого образа, звука и прикосновения, превратить попечение о плоти в похоть и порочную страсть. Нас целенаправленно отвлекают от главного и от реальной жизни. Мы так заняты, что и дышать-то некогда! Нет времени думать о вечности, некогда поднять голову к небесам, наслаждаясь гармонией Вселенной, некогда заглянуть в глаза своим детям, любимым... Некогда просто помолчать в Его присутствии. Вечная спешка и суета. Нередко даже в церквях так много шума и «программ», что мы не можем уловить главного — «что дух говорит Церквам» (Откр. 2:7). Не покидай нас, Господи! Особенно во времена смутные.

Механизм переориентации общества запущен давно — тем, кого Библия называет «человеком греха». Это и есть тайна беззакония в действии (2 Фес. 2:7). Прельщение и обольщение всегда сопровождают отступление от Бога. «Кажется мне, что я заблудился в извилинах страшного лабиринта. Кричу, взываю, и нет мне отклика. Чем дальше иду, тем больше путаюсь. Где я? Что со мною будет, ежели и Ты меня покинешь, Господи?»

Перечитывая трилогию Дмитрия Мережковского под общим названием «Христос и Антихрист», нельзя не заметить, насколько глубоко автор отображает духовный путь христианства в истории. Путь сложный и неоднозначный, путь взлетов и падений. Ведь христиане — странники и пришельцы на этой земле. Пилигримы духа, они идут по узкому пути, по следам Христа, внутренне отделяясь от мира, где царит «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская...» (1 Иоан. 2:16). Они ведут (но ведут ли?) духовную брань против тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. И на этом пути их подстерегает множество опасностей, соблазнов и прельщений. К сожалению, некоторые пилигримы попадают в лабиринты духовности. Не покидай нас, Господи! Особенно во времена смутные.

Христианское странствие — паломничество — есть прохождение жизненного пути пред лицом Бога, в Его присутствии. Только такая жизнь исполнена смысла, независимо от обстоятельств и переживаний. Духовное паломничество — это путешествие по неизведанной области, сопряжен-

ное с риском (лишениями, переживаниями, страданиями, скорбью). Но паломник, однажды принявший решение жить свято и честно, ни на что не взирает, хотя все видит; его жизнь не зависит от изобилия имения и социальных условий; он сознательно подавляет в себе склонность к накопительству и славе, умеет жить и в скудости и в изобилии (Фил. 4:12). Ведь укрепляющий его Иисус — всегда рядом.

Для христианина скромность выражается во всем. Это и готовность избавиться от тревог и переживаний, вызванных чрезмерным количеством дел. Это и мера в развлечениях и отдыхе. Во всем — баланс и гармония. Это также отказ от уверенности в том, что только от нас зависит наше счастье, успех и спасение.

Христианское паломничество — трудное и непредсказуемое. Никто не гарантирует нам уюта и безопасности, никто не избавляет от реальности этого мира — болезней, страданий и смерти, несправедливости и голода. Но нас утешает сознание того, что мы на этом пути не одиноки. Мы не сироты! Мысль об «облаке свидетелей», оказавшихся верными до конца, до смерти, ободряет нас. Они — в вечности, со Христом. Мы — на земле — тоже со Христом! Ибо Он сказал: «Не оставлю вас сиротами, приду к вам» (Иоан. 14:18); «...Я с вами, во все дни, до скончания века» (Матф. 28:20).

Мы призваны жить в перспективе вечности. Созерцание перспективы вечности не даёт потонуть в мелочах повседневной жизни, омуте развлечений, особенно в греховных мелочах. Страх Божий избавляет нас от иррациональных/мнимых страхов, помогает избегать греха, отказываясь, воздерживаясь ради вечности от многого. Бог призывает Своих избранных оставить мирской стиль и образ жизни; оставить развращенное общество, ибо оно будет уничтожено. «И услышал я иной голос с неба, говорящий: ВЫЙДИ ОТ НЕЕ, НАРОД МОЙ, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба...» (Откр. 18:4).

Круг моего общения... О чем я говорю больше всего? О чем думаю больше всего, чем озабочен? Что влечет меня и куда влечет? Кто меня влечет? Бог призывает Свой народ стремиться к горнему и не прилепляться ко греху. Не покидай нас, Господи! Особенно во времена смутные.

И как сильно звучат в контексте наших размышлений слова старца Силуана Афонского:

«Душа, которая в полноте познала Господа и усладились Им, уже ничего другого не пожелает и ни к чему не прилепляется на земле, и если бы ей предложили царство, не захочет она, ибо любовь Христова так сладка и так радуется и веселит душу, что и царская жизнь усладить ее уже не может..»

Не покидай нас, Господи! Особенно во времена смутные.

СЛИШКОМ СМУТНОЕ ВРЕМЯ, ЛУКАВОЕ

Низко, низко спустилось смятение.

Близко, близко безумный свист.

Завывают волненья, мании.

Дуют ветры, со всех сторон.

Информации, профанации.

Навевают волну истерии.

Люди в масках — они в тени. Пребывают в бесстыжих плясках. И пугают народ чумой. Угрожают, во лжи пребывают. Слышен топот золотой орды. И тот мир, что казался раем. Превратился в кромешный ад. Привиденья воскресли, вспыхнули. Как в угрюмом кошмарном сне. И ведь это все, по весне. Люди в масках — они в тени. А вокруг зеркала, экраны. Повторяют безумный ужас. В зеркалах — ангел смерти, ночь. А за ними — оскал звериный. Дикий хохот золотой орды...

Слишком смутное время, лукавое. Встань на ноги твои, пророк! Не страшись, укрепись, ободрись! Я исцелил пораженные ступни. Я укрепил ослабевшие колени. А потому, препояшься и возьми Мой посох. И прости, но нельзя расслабляться.

Слишком смутное время, туманное. А распутное племя хамит. И подобных себе плодит. Знаю, тяжкое бремя, тяжкое. Вопиать среди глухих, в пустыне. Но ты сможешь, нельзя иначе. А потому, подними опустившиеся руки. И покрепче держи их, поуверенней.

И не бойся, ступай смелее. Ничего, что земля шатается. От грехов она сильно пьяная. От того и дрожит, колеблется. Беззаконики все лежат. Как подкошены, во смятении. Издыхают, мнутся дерзкие. Гомонят, истерят, гудят. Не смущайся сего видения. Не время впадать в сомнение...

Слишком смутное время, лукавое. Замышляют неверные тщетное. Возмущают сердца, народы. И бушуют плотские страсти. Беспредельные, запредельные. А ты должен пребыть в покое. Не предкнешься, поверь, не споткнешься! Пусть хромают вокруг, ковыляют. Даже если на оба колена! Даже если пророк захромает! А священников сердце вздрогнет! И шакалы вокруг завоюют?! И семь злейших войдут в народ?! Зазвенит в обоих ушах?! Паникеры аж завизжат?! Да не дрогнет твой сильный дух. В день бедствия ты должен быть сильным! Ни один мускул, на твоём священном лице, да не исказится. Ни одна мышца, в твоём священном теле, да не повредится.

Ну не бойся, ступай смелее! Да покрепче сжимай Мой посох. Жезл Божий в твоей руке! Через стан проходи испуганных. Прокаженных, обремененных. Не смущайся их лиц поверженных. Они в страхе, во тьме, в бреде! Ну а ты, ну а ты иди. С вознесенным, сияющим ликом. Донеси им святой Шалом!

«ЧУМА В БЕРГАМО»

Бывают мгновения, когда жажда чистоты и голод по святости овладевают нашей душой настолько, что становится невыносимо. Хочется вырваться из порочного круга фальшивых отношений, формальных фраз, встреч, «служений» и дел. Мы устремляемся «к горнему» и совершенно по-иному смотрим на окружающую нас действительность. В минуты Божественного озарения светлая тоска по прекрасному посещает наше сердце. Исцеляющая «печаль ради Бога» сокрушает нас, и мы каемся. Тогда мы совершенно по-иному начинаем видеть мир, себя оцениваем по-другому. В подобные мгновения нам кажется, что Бог по-настоящему «пришел» в нашу жизнь. Буквально физически мы ощущаем блаженство от Его присутствия, чувствуем себя просветленными свыше, душа озаряется лучами, которые исцеляют душевные раны, и в сердце вновь воспламеняется священный огонь любви.

«Чума в Бергамо» — так называется одна из новелл датского писателя Йенса Якобсена. Бергамо — небольшой итальянский город, расположенный на склоне горы; только узкая горная тропа соединяет его с остальным миром. Много лет тому назад жизнь в этом экзотическом городке шла своим чередом. Ничто не предвещало катастрофы... Но всему свое время, и, как тонко заметил Вильгельм Буш, автор книги «Иисус — наша судьба», именно в этом тихом и уютном селении было предначертано разразиться смертельной эпидемии — чума поразила горный оазис Бергамо.

День и ночь звенели похоронные колокола. Дух смерти проникал в каждый дом. Безысходность и разочарование во всем, ожесточение против Бога завладело сердцами людей. Отступничество и безнравственность привели жителей Бергамо к пропасти. Власть тьмы окутала их некогда светлый городок. Помраченные умом, пьяные до безумия, люди стали впадать в разврат. Началась вакханалия, оргия отчаяния. Изодня в день народ предавался греху, полные безразличия ко всему, люди окунались в адский омут безбожия. Наступил разгул всех страстей. Иногда, прямо посреди танца, кто-нибудь падал с почерневшим от чумы лицом. Однако на него не обращали никакого внимания. Сердца людей были ожесточены до предела, и оргии продолжались: «Будем есть и пить, ибо завтра умрем!»

Но вот однажды жители города насторожились. До их слуха донеслось удивительное звучание хора. Подойдя к городским воротам, люди увидели вереницу кающихся, поднимающихся по узкой горной тропе и поющих: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Впереди всех шел бедно одетый молодой монах; печальные лица шествующих были в слезах... Процессия поющих покаянные псалмы проходила через городские ворота, а жители Бергамо стояли и смеялись: «Вы, глупые люди! Здесь Бога нет! Пойдемте, будем есть и пить, ибо завтра умрем!» Но монах, возглавляющий шествие, неуклонно продолжал свой путь. Он как будто и не

слышал издевательских насмешек безбожников. Двери городской церкви были открыты (в них давно никто не заходил), и процессия кающихся беспрепятственно вошла в храм для проведения службы. Вместе с кающимися в храм врывается свора необузданных, смеющихся и ревущих смертников. Один буйный мужчина-мясник хватается золотую чашу Господней Вечери и становится на алтарь.

Абсолютное спокойствие выражало лицо монаха, его взор излучал свет и удивительно мирную власть. Взойдя на церковную кафедру, он призвал к молчанию возбужденную толпу. «Я хочу вам кое-что рассказать, — сказал монах. — Когда Сын Божий умирал на кресте — толпа тоже издевалась, глумилась, насмеялась над Ним... И представьте себе, вообразите, что Сын Божий подумал: «Я должен умереть ради этих людей, которых Моя смерть вовсе не трогает?! Я должен положить свою жизнь за этих людей, расположения которых ничем невозможно добиться?!» Представьте себе, что Сын Божий решил «Не-е-ет, не Я! Не Я!» и сошел со креста... и вырвал у воинов свою одежду, так что даже игральные кости, которыми они бросали жребий, покатались с горы Голгофы. Затем одел свои одежды и у всех на глазах вознесся на небо, сказав: «Нет! Не Я!» И крест остался пустым... Представьте себе, что теперь нет никакого освобождения и милости к людям. Теперь остаются лишь смерть и ад!»

Наступила абсолютная тишина, только звучал голос проповедующего монаха... И вдруг он заметил, что ожесточенный мясник уже давно спрыгнул с алтаря и стоял внизу, под кафедрой. Дрожала чаша Вечери в его трясущихся руках... «Нет больше спасения, нет милости! — как эхо, пронеслось в мыслях мясника. — Какой ужас!» И тогда луч веры озарил и расплавил его каменное сердце. Неожиданно для всех одичавший мясник делает три шага вперед, падает на колени, протягивает руки к монаху и громко умоляет срывающимся голосом: «Верни Спасителя снова на крест! Верни Спасителя снова на крест!» Всеобщий стон покаяния пронесся среди толпы, и к Небу устремился сильный и слезный вопль!

Возможно, что в этой истории слишком много пафоса, что она преувеличена, что слишком уж быстро умиляется сердце буйного мясника. Но слышите? Слышите?! Отчаянный вопль человеческой души?! Я слышу. Я слышу его прямо сейчас! Ведь иногда он раздаётся совсем близко.

Я МОГ БЫ СПАСТИ БОЛЬШЕ

Намного больше. Мог бы...

Я мог бы покрыть целый город. Замерзающий от холода город, своей одеждой. Зачем мне столько одежды? Зачем мне столько нарядов? Я мог бы спасти больше. Мог бы...

Я мог бы накормить целый город. Трясущийся от голода город, своей едой. Зачем мне столько еды? Зачем мне столько пищи? Я мог бы спасти больше. Мог бы...

Я мог бы приютить целые семьи. Впавшие в нищету семьи, в свой огромный дом. Зачем мне такой дом? Зачем мне такие хоромы? Я мог бы спасти больше. Мог бы...

Я мог бы одарить сирот. Бедных одиноких сирот, одним дорогим кольцом. Зачем мне столько колец? Бриллиантов, цепей, украшений? Я мог бы спасти больше. Мог бы...

Одеть, накормить, приютить, одарить. Отверженных, неприкаянных, своей антикварной машиной. Зачем мне такая машина? Зачем я ее купил? Я мог бы спасти больше. Намного больше. Мог бы... Я мог спасти больше жизней. Хотя бы еще одного.

Сколько времени я потратил впустую? Сколько денег просадил понапрасну? Не на то, не на тех, зря. Часто, лишь для себя. Ах, если б урезать, до «скромности»? Образ жизни и стиль – попроще. Сократить все круизы – до минимума. А пиры да турЫ – кошерные. Я мог бы спасти больше. Мог бы...

А сколько бессмысленных встреч? Бестолковых, пустых возлежаний? Комитетов, советов, «братских»? Увлечений, «не тех» развлечений? Отчетов, расчетов, выборов? Ах, если бы всё сократить? Заседания все, собрания. Председания, совещания. Отречься от власти, титулов. Реклам, да помпезных храмов. По последнему «писку» моды. Ах, если бы, если бы, если бы... Зачем мне столько... Я мог бы спасти больше. Мог бы...

Я мог бы спасти больше жизней. Хотя бы еще одну! Но я не сделал этого. Я не сделал этого! Не успел, не успел, опоздал... Я так мало сделал... Вы даже не представляете... Если бы я... Я мог бы спасти больше...

ТЫ ПРОСТИ МЕНЯ БРАТ, ПРОПОВЕДНИК,

Что я снова тебя тревожу.

Времена нынче, знаешь, смутные.

Не гневись, не держи обиду.

Но нельзя нам кадить, как прежде.

И нельзя провещать пустоту.

Суету, маету и морок.

Я не критик, не строгий этик. Не поэттик, не гомилетик. Ты же знаешь, что я ничей. Не сношу при церквах палачей. И не ставлю святым свечей. Говорили, что я аскетик. Даже чей-то апологетик. Не наследник я кланов властных. Не поклонник церковных свит. Нету титула – брат, без сана. Экзегеза моя проста. Всё ученье – у ног Христа. Неречистый, простой на вид. Не смущайся, что я один. Что бедна и убога келья. Да без ярких священных риз. Лик и ноги в пыли дорог. Ответшала неброская ряса. Исповедник я, исповедник. Тайны сердца – моя герменевтика. Принимаю людской я гнёт. Много лет уж, online, offline... А народ все идёт, течёт! Много лет без воды – умрёт! Без даров и плодов – беда! Разлагается дух, земля! Истошилась, больна страна!

Ты прости меня брат, проповедник. Что я слёзно тебя тревожу. Времена нынче, знаешь, смутные. В этом есть и твоя вина. И моя, что давно молчал. Поручал Он – слова вручал! Передать для тебя приказал: “Слышу плачет, вопит народ! Души в ранах, бальзама просят! Перемрут без еды младенцы! Пропадут без воды пацаны! И девчонки во тьме завянут! Ты не слышишь?! Оглохло сердце?! Ты не видишь?! Совсем ослеп?! Прямо в домах все вопят, online: Прекратите пустые речи! Ни к уму, и ни к сердцу – шум! Ваши звуки – сплошной туман! Жаждем Слова, Дождя, Огня! Исцеленья родной земли! Да расцветает церквей, семьи!”

Ты прости меня брат, проповедник. Что я слёзно тебя тревожу. Жаль не видно тебе... не слышно... Далеко овцы все, online... Поразила внутри пелена? Встрепенулся мой дух, заплакал! Задрожала душа... Зарыдала... За народ, за овец больно! За святых, за общину слёзы!

Ты прости меня, брат, прости! Не гневись, не держи обиду... Исповедник я, твой посредник. Передал от Него приказ. Обещаю теперь пред Богом. Заморожу уста, умолкну. Удаюсь и сокроюсь в келье. Даже взглядом... не потревожу... Если ты... перестанешь мучить. И народ, и себя томить. На дому, иль offline, online... Ты ведь можешь иначе жить! По другому любить, служить! На коленях прошу, молю! Рядом падай, смирись, молись! Так нельзя совершать каждый день! Пощади, пожалей служенье! Слышишь плачет, вопит народ?! Души в ранах, бальзама просят! Перемрут без еды младенцы! Пропадут без воды пацаны! И девчонки во тьме завянут!

Ты прости меня, брат, проповедник... Слёзно-слёзно тебя тревожу! На коленях прошу, молю! Изменись, загорись, крестись! Умоляю, услышь, проснись! Окунись в благодать, переплавку! А иначе... иди в отставку... Переплавит тебя карантин... Отключай микрофон... Интернет... От Него поступил приказ. Ты прости меня, брат, прости... Слёзно снова тебя тревожу... Времена нынче, знаешь, смутные... Нет, нельзя нам вещать пустоту, суету, маету и морок.

ХРИСТОС НЕ НА КАРАНТИНЕ

Он с нами сейчас, в пустыне.
В долине печали, страха.
У одра болезни, при смерти.
И даже уже на кладбище.
Он с нами, везде, всегда.
На земле, на кресте, в «аду».
С открытым лицом, без маски.
У постели, в больнице, хосписе.
Христос между нами всегда.
Так было, так есть, и будет.
Он вчера и вовеки Тот же.
Увидим Его в Раю.

Христос не на карантине. Христос продолжает ходить. Стучать и входить к нам в дом. Через наши закрытые двери. Сквозь наши бетонные стены. Он поспешно бежит/летит к тем, кто в особом смущении/страхе. Кто почти умирает без веры. В сомнении задыхается, в маловерии спотыкается. Среди них сам Христос является. Благодать им несёт, и мир. С открытым лицом, без маски. Без страха, и без опаски.

Христос не на карантине. Так было, так есть, и будет. Он с нами в безумном мире. Прямо сейчас и здесь. Аж душа в слезах, умиляется. Исцеляется, укрепляется, улыбается. Христос не на карантине. Он с нами в безумном мире. Слышите, прямо сейчас!

БОГОСЛУЖЕНИЕ НЕ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ НИКОГДА

Слышите, никогда!

Никогда, нигде, и никем.

При самой большой беде.

Пандемии, войне, чуме.

Виртуальной, реальной, мании.

И даже, когда разрушен храм.

И даже, когда не осталось камня на камне.

При закованном, закрытом храме.

Богослужение начинается не в храме.

Богослужение не останавливается никогда. Поклонение Богу в духе, оно продолжается всегда. Всегда, везде, всеми. На горе, в пустыне, в тюрьме. В забытом людьми дупле. В изолированном ауле, в «норе». На кресте был спасен разбойник. Евнух был крещен вне храма. Один, в пустынной реке. «Храм не в бревнах, а в ребрах», в сердце. И Церковь Христа — не в камнях. Не в воззваниях, и не в соборных. И даже не в песнопениях. Не в молитвах/уставах/учениях. В Церковь нельзя ходить. Нельзя по ней праздно бродить. Церковью нужно быть. Жить, каждый день служить. Активней, сильнее, искренней. В рабочих простых одеждах. Богослужение везде, во всем. В чаше холодной воды, протянутой тем, кто жаждет. В кусочке обычного хлеба, в одежде для бедных, в приюте. В омытии ног. В улыбке — младенцу, ребенку, старцу. На самой пустой дороге, душа ожидает Христа. И потому, Богослужение не останавливается никогда.

254 Каждый спасенный — часовня. Ходячая церковь, храм. Воскресенье — не день недели. Воскресение — каждый день. Границы Церкви невидимы. Ведомы только Богу. И потому, Богослужение не останавливается никогда. Даже когда рассеялись — овечки Его, служители. По разным местам, поселениям. В виртуальных сетях, без сетей. В онлайнках, без Интернета. «Как пшеница» на верность просеялись. Испытались, в огне переплавились. На высотах, в скорбях, долинах. В больницах, темницах, хосписах. И даже при карантине — совершают священные таинства. Священники Бога Всевышнего. Без хлеба, святого вина — принимают ломимое Тело,

причащают к крови Христа. Без воды, если нужно, крестят — тех, кто жаждет, от сердца верит. Даже если... уже не трое, и не двое... «во Имя» собраны. Даже если... совсем один, оказался в пути пилигрим. Богослужение не останавливается никогда.

Так было, и есть, и будет. Богослужение не останавливается никогда. Слышите, никогда!

ЕВХАРИСТИЯ НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ НИКОГДА

Таково кредо веры верных.

Символ веры не в букве, в духе. Священство святых творит — всеобщее, неделимое. А потому, святое Причастие совершается всегда. В храме, в семье, в тюрьме. На Тайной Вечере, «в горнице». Благодарение не останавливает беда. Воспоминаниям не помеха война. Христос среди нас, всегда! Хлеб, сходящий с небес живителен! Кровь Христа исцеляет с креста! Даже мёртвый, в «аду», оживёт! От Плоти, Крови Христа! А потому, Евхаристия не прекращается никогда! Таинство веры совершается всегда!

Евхаристию совершают спасённые. Рукоположённые, не рукоположенные, без сана. Кредо веры в сердцах написано. Духом Святым прописано. Не церковным уставом, статусом. Посредник Один — Христос. А потому, Евхаристия совершается всегда! Форс-мажор очищает догмы. Смиряет наш чин, литургии.

Причастие совершается всегда! Даже если семья в пустыне. Даже если разделена — пространством, болезнью, временем. Причащение ко Христу всегда! Особенно, в смутные времена. Опасность вокруг, беда? Песах совершается всегда! С «пресным хлебом и горькими травами». Без Моисея, Аарона, посредников.

Трапеза совершается всегда. По домам, одиноким кельям. Каждая горница — храм. Двое иль трое — церковь. В каждом доме, глава — священник. Епископ, диакон, пастырь. А если семья без мужа, мужчины, отца иль брата? Служение совершает жена, женщина, мать, сестра! Христос посреди всегда! Вчера, и вовеки тот же! И даже, когда нет чаши! Ни крошки святого хлеба! Маца истощилась, облатки? Закончились все лепёшки? Квасные, пресные, чёрствые? И даже когда виноград, лоза без плода, мертва? Не найдётся даже капли сока? Благодарение не остановит беда. Воспоминаниям не помеха война. Христос среди нас, всегда! А потому, Евхаристия не прекращается никогда! Слышите, никогда!

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ СТРАХ?

Страх начинается «вне Бога».

С удаления, отрыва от Бога.

Отсутствие Бога — страх.

Предательство Бога — страх.

С чего начинается страх? С лукавого древнего змия. Страх начинается «со змия». С «подлинно ли сказал Бог?» С «будете как боги» — ложь. Сатана сеет смуту, страх. Страх начинается с «дерева». «Плодами» его прельщения. Соблазнения, оболышения. Восхищения и вкушения. От Бога/Творца отступления. Велений Отца — нарушения. Страх начинается с преступления. Человека земного, перстного. Из Эдема, Адама тленного. В его страхе и есть наказание. В этом страхе и есть мучение. Божий Дух изгоняет страх. Лишь Любовь изгоняет страх. Почему же Адам устранился? Почему же от Бога скрылся? «Потому что я наг, и скрылся». Даже в Раю убоился. Убежал от Творца «во страх». Страх начинается «вне Бога». Вне Бога начинается страх.

ВИРУСЫ ПАНИКЕРСТВА СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫ

Особенно в смутное время.

На войне, корабле, в семье.

Поклоняются богу Пану. Не Святого, иного духа. Пораженье в глазах и сердце. Зажигают костры в толпе. Эскалируют жуткий ужас. Порождают волну невроза. Излучают огни психоза. Самый страшный на свете вирус. И пугают, страшат, кричат. Безоглядно бегут назад. И в умах, и в сердцах — разлад. Даже в тихое, мирное время. Беспричинно они трясутся. Бесконтрольно во снах смеются. Размножают/клонировуют фейки.

Паникеры для трезвых — бремя. Поношенье, позор, беда. ПаралИч — для семей, детей. Горький яд — для святых церквей. Цепенеют в цепях страстей. И бредут по земле, как зомби. Параноики, бредоноики. Бездуховные страхоноики. Нелогичные аналитики. Паникеры, по сути, трусы. А по нраву, по жизни — нытики. Малoverы — в тюрьме инстинктов. Сгущены пред глазами краски. Перемешаны в мрак цвета. Все квадраты/сонаты — черные. Сеют ужас, лишают сна. Пелена затмевает глаза. И в руинах — семья/страна. Импульсивно плодят сомненья. Суеверьья туман, неверья. Погружают народ в томленье. Посрамления плен, поношенье. И калечат сердца, вредят.

Вирусы паникерства — смертельно опасны. Аргументы для них напрасны. Умножают неверья приступы. Поклоняются богу Пану. Не Святого — иного духа. Опустились до праха, страха. Зароптали на Моисея. Накричали на Аарона. Против Господа — паникеры. Недоверье, сомненье, плач. Приступ паники, как палач.

Разодрал Иисус одежды! Возмутился святой Халев: «Среди нас Иегова — Лев! Имя Господа — знамя верных! Не страшитесь врагов, неверных! Если враг придет как река?! Великан заберет права?! Голиаф, саранча — на троне?! Вавилон, беСзакон — в стране?! И халдеи возводят стены?! Слышу семь юбилейных труб! А пред взором святой ковчег! И священников ясен взор! Аарон, фимиам, амвон! И идет, и поет народ! Наступает Господня слава! Было так, есть и так поныне. Паникеры умрут в пустыне...

Поднимается Божий вихрь! Великаны вопят, дрожат! Легионы лежат, бежат! Среди нас Иегова — Лев!» Иисус, Моисей, Халев! Рухнут стены — от сильной веры. Паникеры ж умрут в пустыне. Не Святого, иного духа. Было так, есть и так поныне. Вирусы паникерства — смертельно опасны.

Я ОБЪЯВЛЯЮ ИМ КАРАНТИН!

Абсолютную изоляцию.

Всем носителям смертных вирусов.

Всем разносчикам тяжких болезней.

Информационных заразных маний.

Духовных вирусоманий.

Заражают народ, устрашают. Вселяют волну сомнений. И плодят боязливый дух. Поражают и глаз, и слух. Травят мысли. Калечат души. Переиначивают даже сны. Вирусоносные волны, СМИ. Невысокого, тёмного духа. Помрачают, не ободряют. Обольстители, лжепророки. Умножают свои пороки.

Объявляю им карантин! В изоляцию всех смутьянов! Паникеров — в далекую ссылку! Страхоманов — на карантин! Лжепророков предать анафеме. Отлучить, оградить от церкви. Запретить прорекать от лукавого. Совершают народ, до паралича. Погружают сознание в сеть. Их настигнет Христова плеть. Заблокировать всех лжепророков! Игнорировать ложный дух! Во имя Христа и Церкви! Объявляю им карантин!

КОГДА МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО Я СМЕРТЕЛЬНО УСТАЛ, Я ВСПОМИНАЮ ЕГО

И мне становится стыдно.

И я забываю про боль.

И я перестаю уставать.

И снова могу бежать...

Я видел, как Он... умирал. В агонии, бранным телом. Для плоти настал закат. Для духа — святой рассвет. Как тень, Он почти лежал. С ослабленным зрением, слухом. От боли — не застонал. Молился умом... и духом...

Я видел, как Он... умирал... Привстал вдруг, лицом просиял! Как будто увидел Бога! И я слышал, я сильно слышал! Как он повторял, шептал! В сознание, бреду, полудрёме: «Мешайте мне засыпать... Заставляйте меня молиться... Я должен вставать, идти... Мне нужно ещё потрудиться... Ах, если б ещё одну... ах, если б ещё спасти!»

Святые от нас не уходят. Они продолжают шептать: «Ах, если б ещё одну... ах, если б ещё спасти! Мне нужно ещё потрудиться...».

Я видел, как он... умирал. Когда мне кажется, что я смертельно устал, я вспоминаю Его. И я перестаю уставать. И снова могу бежать...

Я видел, как Он... умирал.

Я НАЧЕРТАН НА ЕГО ДЛАНЯХ!
 Не убоюсь "начертания зверя".
 Ни имени его, и ни образа.
 И никакого земного прообраза.
 На челе моем знак Христа!
 Святая Печать, от Бога!
 Паразит Дух Святой "число зверя".
 Откуда бы он не вышел...
 "Из земли", "из моря", из ада...

Я начертан на Его дланях! А потому, даже если совсем/навсегда закроются здания храмов. Даже если совсем/навсегда отключится Интернет. А церковный народ рассеется. На верность Христу просеется. В гонениях, притеснениях, скорбях, отлучениях? И погонят святых далеко, за стан? Обольстители, притеснители? Люди греха, антихристы? Ну а я, окажусь один? Странник, изгой, пилигрим? Не склонюсь пред сынами погибели. Восклонюсь, поклонюсь Всевышнему. Подниму выше голову, к Небу. И поправлю... светильник духа. Не погаснет елей во мраке! В сосуде живое масло. И не вздрогнет ни плоть, ни дух... Нет цепей для Его детей...

Христос среди нас, есть и будет! И ныне, и присно, и во веки веков, аминь! А потому, я буду продолжать жить... И как прежде "ходить пред Богом"... Как всегда, как и было ранее... Пока... не возьмет к Себе.

Велика благочестия тайна! Велика благочестия тайна! Я начертан на Его дланях! Я начертан на Его дланях...

ОНИ ВСЁ ЕЩЁ ПРОИЗНОСИЛИ ВЫСОКИЕ РЕЧИ

И расширяли синедрियोны.
 А он уже видел духовные лазареты,
 переполненные детьми церковного подземелья.
 Смертельно ранеными дэвээровцами.
 Малышами, пацанами, девчонками.
 Совсем маленькими падшими ангелами.
 Невинными жертвами храма,
 опустевшего без Бога здания,
 запущенного семейного строения,
 всенародного отступления.

Он видел духовные лазареты. В лазаретах царила смерть. Духовные, информационные вирусы. Там, внизу, задохались от боли! От сильной душевной боли! И бредили, от удушья. Их стон был всё глуше, глуше. Кричала в глазах слеза: "Нас режет, нас мучит ужас! До смерти, напополам! Спасите, спасите души! Спешите, спешите к нам". Но они ему не поверили. Они всё ещё спали и почивали. Там, наверху. Какие духовные лазареты? Какие церковные подвалы?

Они продолжали твердить, что нет ничего выше, чем служение храму. Традициям, церемониям, ритуалам. Золотым куполам, собраниям. Пасторам, их хорам, программам. Уставам без жизни, букве. Опекали, хвалили здания. Охраняли мёртвые камни. А он видел духовные раны. Руины церковного храма. И сонмы кричащих детей! Малышей, пацанов, девчонок! В лазаретах царила смерть. Там, внизу, задыхались от боли! От сильной душевной боли! И бредили, от удушья. Их стон был всё глуше, глуше. Кричала в глазах слеза: “Нас режет, нас мучит ужас! До смерти, напололам! Спасите, спасите души! Спешите, спешите к нам”. Но они ему не поверили. Они всё ещё спали и почивали. Там, наверху. Какие духовные лазареты? Какие церковные подвалы?

Они продолжали произносить свои высокие речи и поздравления. И умножали синедрियोны. И ещё настойчивей утверждали, что нет ничего выше, чем служение букве и храму. И верности отцовским преданиям. А он продолжал видеть духовные лазареты. Переполненные детьми церковные подземелья. И ещё сильнее продолжал слышать крик детских слёз: “Нас режет, нас мучит ужас! До смерти, напололам! Спасите, спасите души! Спешите, спешите к нам”. Но они всё ещё спали и почивали.

Они так и не познали... там, наверху... Его Гефсимании... Не услышали детский крик, там, внизу... Они ему не поверили... “Он бредит, — сказали пастве, — он с детства подвержен грёзам... Взгляните, какие камни! Сияет помпезный храм! Спешите, спешите к нам! Бог с нами, скорей наверх!” Там, наверху, они всё ещё спали и почивали.

Какие духовные лазареты? Какие церковные подвалы? Он бредит, подвержен грёзам! А он уже был в лазаретах. А он уже жил в подвалах. До смерти, напололам.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РЕБЁНОК?

Ребёнок начинается с Любви.

С океана большой Любви.

Материнской, отцовской, нежной.

Сакральной, святой Любви.

Ребёнок начинается с Любви.

Бездонной, бесценной, вечной.

Всех предков в «цепи» поколений.

Их генов, благословений.

Ребёнок — не «мой», не «твой». Ребёнок — не «наш», не «ваш». Каждый Ребёнок — Образ. Каждый Ребёнок — Дар. Личность, судьба, мессия. Начало Ребёнка таинственно. Ребёнок начинается с Любви. С «эха» в цепи поколений. Их генов, благословений. Лобзаний, прикосновений. Улыбок, объятий, ласки. Молитв и движений Духа.

С чего начинается Ребёнок? Ребёнок начинается с Любви. С океана большой Любви!

Я ВИДЕЛ КАК ОТНИМАЮТ ДЕТСТВО

Медленно, по частям.
 Безбожно крадут, воруют.
 Жизнь у ещё нерожденных.
 Рожденных, почти крещённых.
 Лишают объятий, ласки.
 Словами, без слов бичуют.
 Равнодушием ранят, криком.
 Невниманием, забыванием.
 Недогрузами, перегрузами.

Я видел как отнимают детство. Сверхзапретами, беспросветами. Лишь досмотрами, недосмотрами. Попустительством, да угрозами. Циничными, нелогичными. Нравочтением, недочтением. Оскорбляют порой, унижают. И теряют, теряют, теряют! В сетях несвятых идей. А сами в полет, улёт! Всё счастье впитать хотели.

Я видел как отнимают детство. Оставили им «останки». Айфоны, экраны... кланы. Изгоняют... потом обвиняют... Жестоким до слез воспитанием. Да холодными... поцелуями... Рвут на куски сердца! Медленно, по частям. Миллионы несчастных глаз! Океаны прегрустных слез! Умрут без любви, уснут! Тоскуют в домах, церквах!

Я видел как отнимают детство. И я не хочу больше видеть! Как убивают святое детство! Светлое, чистое, хрупкое! Медленно, по частям! И я обещаю, слышишь?! Я хочу подарить тебе детство! Посмотри мне в глаза — там ты! Все молитвы, любовь, посты! За тебя, за твоих друзей! Да за тех... да за всех детей! Кто начертан крестом на сердце... Не один ты, вас всех не счесть! И я вижу, я точно вижу! Миллионы счастливых глаз! Океаны... моря улыбок!

Я видел как отнимают детство... И я не хочу больше видеть! Улыбайся, играй малыш! Как же сладко ты, крепко спишь! Обнимаю тебя молитвой... Прикасаюсь, касаюсь сердца... И целую твою улыбку... Спасибо, что ты родился! Спасибо, что просто есть! Я хочу подарить тебе детство!
 Я видел как отнимают детство.

Я ВИДЕЛ, КАК УХОДЯТ... ДЕТИ

Медленно, по частям.
 Если у вас есть дома ребенок,
 присмотритесь, может быть он не весь.
 Может быть он не с вами.
 Может быть он не здесь.

Ребенок уходит от нас не сразу. Ребенок уходит по частям. Тихо, почти незаметно. Тайно от нас, секретно. Нам кажется, вот же он, здесь! Он в доме, он точно с нами! А может быть он не весь?! А может быть он не здесь?! Ребенок уходит от нас не сразу. Ребенок уходит по частям.

Я видел, как уходят дети. Медленно, по частям. С почти замороженным сердцем. С уставшим от боли духом. Далеко-далеко идут. Глубоко-глубоко падают. Сами того не ведают, как глубоко ныряют. Тонут в пучинах вод! Гибнут в сетях соблазнов! Слышите, как кричат?! Прямо сейчас и здесь?! В вашем и нашем доме?!

Ребенок уходит от нас не сразу. Ребенок уходит по частям. Если у вас есть дома ребенок, присмотритесь к нему, прилепитесь! Обнимите его, приласкайте! Из сердца, не отпускайте! Никогда и нигде, слышите?!

Я видел, как уходят из сердца... дети. Медленно, по частям... Если у вас есть в церкви дети, присмотритесь, может они не все. Может они не с вами. Может они не здесь. Дети уходит от нас не сразу. Уходят они по частям. Тихо, почти незаметно. Тайно от нас, секретно. Нам кажется, вот они, здесь! В церкви, при храме, с нами! А может они далеко?! А может не здесь, не с нами?! Дети уходит от нас не сразу. Уходят они по частям.

Я видел, как уходят из церкви дети. Медленно, по частям. С почти замороженным сердцем. С уставшим от боли духом. Далеко-далеко бредут. Глубоко-глубоко падают. Сами того не ведают, как глубоко ныряют. Тонут в пучинах вод! Гибнут в сетях соблазнов! Слышите, как кричат?! Прямо сейчас и здесь?! Пацаны с обожженным духом! И девчонки с разбитым сердцем! В вашей и нашей церкви! Дети уходит от нас не сразу! Уходят они по частям! Если у вас есть в церкви дети, присмотритесь к ним, прилепитесь! Обнимите их, приласкайте! Из сердца, не отпускайте!

Я видел, как уходят из церкви дети. Медленно, по частям. В осколках, рыдает сердце! Миллионы невинных слез! Я видел, как уходят из сердца... дети... Медленно... по частям...

КАЖДОМУ РЕБЕНКУ НУЖЕН ЧЕЛОВЕК МОЛИТВЫ!

Даже еще не рожденному!

Никем и ничем не плененному!

Свободному! Обремененному!

К порокам греховным склонному!

Врагом до крови пораженному!

Каждому ребенку нужен человек молитвы! Ведущий духовные битвы!
Впереди — человек молитвы! За спиной, позади — все дети! Фимиам, золотая чаша! Аромат от молитвы — жизнь! Держись за нее, держись!
Прикроет во время боя! Погасит собой огонь! Каждому ребенку нужен человек молитвы! Горячей, живой, святой! Не погибнут дети молитвы!
Пораженные — оживут! Каждому ребенку нужен человек молитвы!

«Не имеем человека молитвы!» — безмолвно рыдают младенцы. «Умолк человек молитвы!» — кричат малыши во тьме. «Явись человек молитвы!» — лишь стонут уже подростки. Миллионы детей обделенных! Плененных, обремененных! До смерти почти пораженных! Молитвами — не защищенных!

Каждому ребенку нужен человек молитвы! Ведущий духовные битвы!
Впереди – человек молитвы! За ним, позади – все дети! Прикроет во
время боя! Погасит собой огонь!

Каждому ребенку нужен человек молитвы! Горячей, слезной, живой! От-
ступит проклятье ада! Откроется рая дверь! Держись за нее, держись!
Каждому ребенку нужен человек молитвы!

ТЫ СЫНОК, ЗА ХРИСТА ДЕРЖИСЬ...

Говорила мне в детстве мама.

Тихо пела, шептала в сердце.

Лишь Ему поклонись, подчинись.

А врагов не страшись, борись!

Даже если один в пути! Даже если нет сил идти! Никому “до тебя”, – не
спасти?! Окружили, вокруг кольцо?! И не видно, кругом ни зги?! Не
дрожи никогда, не бойся. Помолись, улыбнись, прорвись! До креста за
Христа держись! Я вскормила тебя для Храма... Для небесного вечного
Храма! Говорила мне в детстве мама... Тихо пела, шептала в сердце. Ты
сынок, за Христа держись...

Не земной ты малыш, иной! Генотип у тебя святой! Ко Христу ты навек
привит! Благодатный иммунный статус! Дух промолен, пропет молитва-
ми! Да ночными слезами, битвами... За тебя, за твою судьбу! Ко Христу
ты навек привит! Не отлучит никто, не разлучит! Антивирус, защита,
бронь! Не умрешь, запоешь пред врагами! Голиаф побежден, сражен! На
Христовом кресте, сынок! За Христа, за Христа держись... Говорила мне
в детстве мама... Я вскормила тебя для Храма. Для небесного вечного
Храма!

Ты в народ понесешь Шалом! Донеси его в каждый дом! Ель Шалом в
каждый дом, где погром! Где в сердцах темнота, да гром! Принеси им свя-
той Шалом! Ободрится народ, оживет! Вновь замолится, запоет! Как тог-
да, как всегда, как прежде! Ну ступай же... иди... родной... Обнимаю тебя,
целую... Помолись, улыбнись, прорвись! За Христа, за Христа держись!
Я вскормила тебя для Храма... Для небесного вечного Храма! Говорила
мне в детстве мама... Тихо пела, шептала в сердце. Ты сынок, за Христа
держись. И борись до конца, до плахи! Я носила тебя под сердцем! Про-
кормила священным Хлебом! Пропоила живой Водой! Ты не “свой”, ты
не “мой”, сынок! Я вскормила тебя для Храма! Для небесного вечного
Храма!

Божий Дух на тебе, вдвойне! Да печать Всемогущего Бога; начертанье
Его – гарант! Ты исполнишь задание в срок... Так сказал твой отец, про-
рок... Ты же помнишь его, сынок... Ну ступай же... иди... родной... По-
свящаю тебя... отпускаю... Я вскормила тебя для Храма... Говорила мне в
детстве мама. Тихо пела, шептала в сердце. Ты сынок, за Христа держись!

КАК ОВЕЧКА ТЫ, СЫНОК/МАЛЬЧИК МОЙ

среди волков жестоких,
среди злобных/ненасытных хищников.
Как агнец ты, сынок – непорочный,
чистый, мудрый, непобедимый «в Господе».

Не бойся их сынок, никого/никогда и нигде не страшись и не бойся! Душу не расстреляешь! Вечная она, вечная! И духа/сердца не уничтожишь, и не распнешь, не растопчешь! Не трепещи, сынок/мальчик мой, пред ними/зверями/волками хищными/воющими! Пусть ползают они вокруг «на износ», как змеи/«на чреве», пусть даже шипят и сычат, как аспиды и василиски адские. Наступай на них твердо/властно/уверенно, противостой/изгоняй/запрещай им именем Господа! Пусть мечутся они вокруг тебя, пусть даже скрежещут зубами и как львы рыкают и пугают! Да сияет лицо твоё благодатное, как лицо ангела! Нет власти и силы у них святой/вечной/истинной! Будут ратовать против тебя, и будут сражаться. Не превозмогут вовеки! «Врата ада» не одолеют тебя, сынок/мальчик мой, сильный «в Господе»! Не страшись их, не бойся, не устрашайся!

И колен своих детских, но крепких «в Господе» – никогда не склоняй пред рафаимами/исполинами/негодниками смертными. Злобно/злобно/неистово – будут ратовать/воевать против тебя рашаимы/идолопоклонники/грешники. Но не одолеют тебя, никогда/вовеки! И замыслы их коварные и программы нечистые/скверные/«животные» – не состоятся, рушатся, и не будет им мира/покоя и радости. И сексуальные девиации, и безумные гипотезы/эволюции – не устоят пред судом твоим истинным, сильным «в Господе»! Тот, кто в тебе, сынок/мальчик мой, сильнее и крепче «того кто в мире»! Дух силы/любви/целомудрия в тебе, сынок!

Возрастай, мальчик мой, в благодати! И укрепляйся духом/иммунитетом истинным! Возгревай Божий дар, укрепляйся Господом! Наступай на всю силу вражью! Не страшись их, не бойся, не устрашайся! Истинно, истинно так, сынок/мальчик мой! Лично знаю, сынок, испытал Его силу и власть вечно верную! Испытал я бальзам исцеляющий! Никогда не предаст, не изменит Он! Никогда не оставит в сражении/битве смертельной Он! На руках понесет тебя, нежно/трепетно – если ранят тебя, сынок, если будет тебе страшно/больно/мучительно! Из праха восставит/поднимет и воскресит тебя! Даже уже распятого! Даже для всех/навсегда погребенного! Сильнее сильных/высоких/влиятельных – авторитет и власть Его вечная/неземная! И не моргает Он, и не спит, и не дремлет, и никогда/никогда не опаздывает! Око Его всегда над тобою, сынок/мальчик мой! А поднявший пята на тебя, злобно/смертную – зеницы ока Его священного коснется... в своем безумии, и поражен будет вечно/мучительно, неисцелимыми язвами паразит его Верный и Истинный.

Дух Его на тебе, и в тебе, сынок/мальчик мой! Сила Всевышнего осеняет/охраняет тебя всегда и повсюду! Лично знаю, сынок, испытал Его

силу и власть верную! Испытал я бальзам исцеляющий! Никогда не предаст, не изменит Он! Никогда не оставит в сражении/битве смертной! На руках понесет тебя, нежно/трепетно – если ранят тебя, сынок, если будет тебе страшно/больно/мучительно! Из праха восставит/поднимет и воскресит тебя! Даже уже распятого! Даже для всех погребенного!

Как овечка ты, сынок, среди волков, среди зверей хищных! Как агнец ты, сынок – чистый, мудрый, непобедимый «в Господе»! На дланях Своих начертал Он тебя, сынок! На Своих дланях! И на крест с тобою взойдет Он/если потребуют, и на плаху поднимется Верный и Истинный! Лично знаю, сынок, испытал Его силу и власть верную! Испытал я бальзам исцеляющий! Никогда не предаст, не изменит Он! Никогда не оставит в сражении/битве смертной! На руках понесет тебя, нежно/трепетно – если ранят тебя, сынок, если будет тебе страшно/больно/мучительно! Из праха восставит/поднимет и воскресит тебя! Даже уже распятого! Даже для всех навсегда погребенного! Лично знаю Его, сынок, лично знаю! Обещал Он мне, сынок, опекать/защищать и вести тебя – от чрева матери на служение Ему посвященного/избранного/благословенного!

Не смотри на них сынок, и не следуй за ними/маловерными/трусливыми/слабоверными! Только Христа держись! Даже Распятого! За Ним иди! И на Нем фокусируйся! Засомневались/замалодушничили – братья/сестры твои «по адаму», по крови, по плоти родные; самые близкие разбегаются/отрекаются/укрываются/«ловят рыбу», в пустынь устремляются! Перед злом и неверием паникуют и трусятя. Пред нечестивыми рашаимами/негодниками трепещут, подобострастно склоняются/преклоняются. Как цыплята, как курицы – «в землю смотрят» и унывают, и изнывают, и печалются, и ужасаются, и почти издыхают! О Христе забыли! Дух Его угасили! Во все дни Он с тобою, сынок/мальчик мой, всегда и везде – до скончания века! Лично знаю Его, сынок, испытал Его силу и власть верную!

Дух Святой на тебе, и в тебе, сынок – осеняет/охраняет и ведет тебя властно/истинно! Обещал Он мне, сынок, опекать/защищать и вести тебя – от чрева матери на служение Ему посвященного/избранного/благословенного! Насадил и помазал Он тебя, сынок/мальчик мой, на служение победительное/исцелительное, светло-вечное! Лично знаю Его, сынок, испытал Его силу и власть верную! Испытал я бальзам исцеляющий!

Никогда не предаст, не изменит Он! Никогда не оставит в сражении/битве смертной! На руках понесет тебя, нежно/трепетно – если ранят тебя, сынок, если будет тебе страшно/больно/мучительно! Из праха восставит/поднимет и воскресит тебя! Даже уже распятого! Даже для всех навсегда погребенного! Лично знаю Его, сынок, лично знаю! Обещал Он мне, сынок/мальчик мой, опекать/защищать и вести тебя – от чрева матери на служение Ему посвященного/избранного/благословенного!

Как овечка ты, сынок/мальчик мой – среди волков жестоких, среди злобных/ненасытных хищников! Как агнец ты, сынок – непорочный,

чистый, мудрый, непобедимый «в Господе»! Не бойся их сынок, никого/никогда и нигде не страшись и не бойся! Душу не расстреляешь! Слышишь? Вечная она, вечная.

ТОЛЬКО ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ!
ПЛЫВИ ТОЛЬКО ВВЕРХ, СЫНОК!
Плыви против бурных потоков!
И только вперед, сынок!
Назад не смотри, там пропасть!
Там заводи смерти, плен!
Их «тихие» воды – мертвые!
Аж горькие, сплошь застой!
Болотная тина, плеть!
И тонут «по ветру», в «измах», бесплодных/пустых формализмах!
Несутся волной в «туман»!
Широкие их потоки, но страшно за их финал!
Стихии страстей там, сеть!

Только против течения! Плыви только вверх, сынок! Обратной дороги нет! Лишь только наверх, вперед! Там Жизнь, там Источник, Свет! В пучине стального давления?! В тисках волнового борения!? Устал? Больше нету сил! Надежду всю износил? Я знаю сынок, все знаю! Я рядом! Я здесь! Поверь! В руках Моих ты, проверь! Со Мною ты плывешь, не бойся!

Только против течения! Плыви только вверх, без страха! Плыви против тьмы волнений! Без ропота, огорчений! Плыви против «волн» помрачений! «Законных» пустых обольщений! «Духовно» слепых заблуждений! Плыви изо всех твоих сил! Мужайся, крепись, молись! Борись против «пенных» волн! Не слушай шум их «преданий»! Вдыхай благодать поглубже! И Духа Святого мощь! Дух Божий не тонет – крепись! Бессилия мысли – прочь! Сомнения/страхи – «в ночь»! Мой Дух на тебе, сынок! «Пленен» ты проплыть поток! «Семь тысяч» против течения! «Семь тысяч» плывет, сынок!

Только против течения! Плыви только вверх, сынок! Плыви против бурных потоков! И только вперед, сынок! Не бойся потока властного! И крика толпы злострастного! Раскольником нарекут?! Хулителем обзовут?! Всем скажут, что «против рожна»?! Не верь фарисеям, не верь! Лукавству придёт предел! Закваски их все исчезнут! Все мертвое вниз, поверь! Все «бревна» уйдут на мель! Плывут налегке, по течению! Подвержены – отречению! Их сердце «на дне», проверь! Не твой это, сын, удел! Не следуй толпе, не верь! Сплавливают «леса» по течению, живые ж плывут наверх! Вся «рыба» против течения! Реформы все – через боль! Без слез – не узреть пробуждения! Страдания, поношения?! Я знаю, я плыл, поверь!

Плыви только вверх, сынок! Плыви против тьмы течения! Плыви против «волн» без значения! Плыви изо всех твоих сил! Мужайся, крепись, мо-

лись! Вдыхай благодать поглубже! И Духа Святого мощь! Дух Божий не тонет- крепись! Бессилия мысли – прочь! Сомнения/страхи – «в ночь»! Мой дух на тебе, сынок! Большой ты уже, не малек! Вдвойне благодать – на войне! Ты с верой плыви, сынок! Под крики их – возмущения! Презрения! Отвращения! Суды их забудь – бессильные! Угрозы забрось вовек! Сомнения/страхи – «в ночь»! Мой Дух на тебе, сынок! «Пленен» ты проплыть поток! «Семь тысяч» против течения! «Семь тысяч» плывет, сынок!

Только против течения! Плыви только вверх, сынок! Плыви против бурных потоков! И только вперед, сынок! Там мало друзей, нет везения! Почета нет, облачения! Я знаю! Я был казнен! Страдания! Гефсимания! И крест! На кресте – Один! Останешься ты один! Лишь только: «Или, Или... О Боже... Савахвани!» Всем будет им невдомек! Ты станешь им всем в упрек! Реформы твои – поперек! Тебя обвинят в гордыне! От масс и «святынь» – отречения! От братства/общин – отступлении! В амбициях обвинят! Насмешками заклеят! В отрыве от их «высот»! От всяких «святых» красот! Получишь за это «срок»! Но таинство веры храни! Течение соверши! И нет для тебя послабления! Не дано другого веления! «Проплыть до конца!» – откровение.

Прости ты, Меня, сынок. Реформы все – через боль! Страдания, отвержения! За истину/правду – хуления! Без слез – не узреть пробуждения! И нет без креста спасения! Я знаю, сынок, поверь! Я плыл до креста, проверь! Ты помнишь? «Или, Или... О Боже... Савахвани?!» «Пленен» ты проплыть поток. «Семь тысяч» против течения. «Семь тысяч» плывет, сынок.

БЕРЕГИТЕСЬ ФАНАТИКОВ

Особенно во времена смутные.

Печатью тьмы и мрака отмечено их прозябание приземленное.

Не живут, а томятся несчастные.

Они сеют вокруг лишь страх и ужас.

От них веет холодом и смертью.

От общения с ними душа расстраивается, духовно опустошается.

“В негатив” программируется и страдает.

Жизнь фанатиков уклонилась от духовного равновесия и потеряла связь с Небом. Они лишились Божественной благодати и красоты нетленной... и стали убогими духом. Смертельный дух гордости завладел сердцем их обезбоженным.^[1]

[1] “Для того, чтобы жизнь не уклонилась от равновесия, необходимо, чтобы сильные чувства сопровождалась столь же сильной волей, чтобы сильная воля соединялась с могучими интеллектуальными способностями, а последние дополнялись способностью к великой любви... В случае нарушения равновесия между эмоциями, разумом и волей, происходит дисгармоничное развитие личности в сторону фанатизма. Так недооценка роли разума в духовной жизни может привести к отклонениям... Горение духа принимает патологические формы, когда жизнь бедна со-

Божьи люди свободны от плена и узости фанатизма. Подобно Господу, они «трости надломленной» не ломают и «льна курящегося» не угашают (Ис. 42:3). Они несут «в народ» радость и веселие, раскрывают торжество бессмертия над тлением, показывают радость перехода из жизни временной в жизнь вечную. Сам Бог исцелил их сердце смиренное от страшного вируса фанатизма. «Печать разумности», привлекающая и просвещающая, сияет на лицах Божьих людей и поныне. И мрак фанатизма отступает. У него нет другого выхода. Даже во времена смутные.

Так всегда и надо писать — как свое последнее слово миру, как завещание, как исповедь сокровенную. По-отцовски поступай, сын мой, по-отцовски служи ближним, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», за братьев своих, за детей своих, за ближних и дальних. Особенно во времена смутные.

Человек не может жить без любви, он задыхается без нее, нравственно умирает. От недостатка Божьей любви все наши беды — конфликты, войны, разводы, сиротство, наркомания, пьянство, распутная жизнь, брошенные дети... Без любви человек умирает заживо. Поэтому, если «правда твоя» без любви, если она разрушает твой внутренний мир — откажись от нее. Смирения ищи, от греха убегай, со страстями борись, к Господу приближайся. Не вставай в позу высокомерного судьи над бедами ближнего, а впрягайся работником в миру.

Есть люди, которые привыкли успокоенно дремать в креслах застывших понятий. Разбуженные истиной живого слова, они будут бурно реагировать шипением, как гуси на гром. Не бойся и не страшись их — наш «Бог не устал, он шествует вперед», по Его стопам иди!» — в поучениях старца звучали вечно живые истины бытия. “Господи, благослови такими старцами народ наш, общины и семьи наши, наследие наше!” — взмолилось сердце. Человек интуитивно, особым внутренним чувством воспринимает истинных пастырей; подсознательно, сердцем тянется к тем, кто близок к Богу. Особенно во времена смутные.

Целебной харизмой был наделен этот дивный старец, неиссякаемым источником добра обладал. Я хорошо запомнил его испытующий, буквально пронизывающий взгляд, направленный как будто в самое сердце. Властный взор старца безмолвно свидетельствовал: он видит и знает мою суть, мои тайные немощи, но, по своей безграничной любви и благости, удивительно тактично щадит меня и готов уврачевать словом врачевания мое несовершенство, зарядить духовной энергией. Святой жизнью приобретают старцы детей своих. Порой не говорят ни слова, а мы и без слов слышим святую правду их веры и Церкви. Любовь небесная — их мощное духовное знамение.

держанием и рассудок ограничен... Набожность, если она ничем не уравновешена, переходит в фанатизм... При этом, даже плоды святости могут быть лишены всякой цены, если на них лежит печать убогости интеллектуального развития» (Уильям Джеймс, «Многообразие религиозного опыта»).

«Сладостная душа», — говорили о нем люди, хотя не было в нем ни вида, ни величия, который привлекал бы «с первого взгляда». Однако одного разговора с благодатным старцем было достаточно, чтобы душа загорелась, чтобы запылала жизнь. «Господь нас неизреченно любит, — говорил каждому отец Силуан. — О, как Он нас любит!» Он говорил это настолько искренне, что при этом глаза его наполнялись слезами. К нему приходили, тянулись люди, нередко жаловались на свою скорбь, испытания и искушения. Старец утешал и подбадривал таких словами: «Знает Господь, что ты страдаешь, но Его любовь согреет тебя, как солнце греет землю».

Благодатные старцы — Божьи люди, свободные от узости фанатизма. Благодаря Премудрости Свыше они приобретают удивительную способность понимать мир и тонко чувствовать человеческую душу. Особенно во времена смутные.

Они способны заглянуть в сокровенные движения сердца и принять ближнего таким, каков он есть. Подобно Господу, они «трости надломленной» не ломают и «льна курящегося» не угашают (Ис. 42:3). Они несут «в народ» радость и веселие, раскрывают торжество бессмертия над тлением, показывают радость перехода из временной, земной жизни в жизнь вечную. Господь Бог исцелил их от невежества и дал им «язык мудрых» (Ис. 50:4), чтобы они могли словом «подкреплять изнемогающего».

Благодатные старцы — подвижники благочестия, идут путем духовного трезвения. Смиренномудрые и простые, благообразные и степенные, кроткого и молчаливого духа, познали они тайну жизни и смерти, до настоящей любви доросли. Их смирение — и есть выражение силы духа, свободного от самолюбия, заносчивости и житейской суеты. В незримом для постороннего глаза покаянии, сокрушении сердца и подвиге молитвы пребывают их души. Сокровищем духовного разума обладают они, «плодом опыта духовного» делятся с ближними. В высшей степени благостно относятся они ко всем без исключения, пред всякой жизнью в благоговении преклоняются. Они очень строги к себе, чрезвычайно снисходительны к другим. Всесильной добротой покрывают они человеческую слабость, без слов открывая лик Божий человеку смертному. Образ чистоты и доброты духовной являют миру, забывая в ревностном служении Богу и Церкви о себе. Полагая души свои за паству, «в муках рождения» пребывают, чтобы отобразился Христос в нас, смертных. «От сердца к сердцу» их путь пролегает.

Поразительное проникновение в глубокие тайники души проявляют благодатные старцы. Их мудрые речи подобны рекам живой воды, каплям, переполняющим сосуды жизни. От избытка великодушного сердца говорят и творят они. Ключ чистый и неукротимый бьет в их сердце, неиссякаемый родник правды и истины течет из глубины созерцательной души. Великое поучение исходит от них. Им ничего вещественного

не страшно терять, ибо благодать Господня завладела их естеством во всей полноте, они вкусили, как благ Господь. Обет нестяжания дали они Господу. В «проломе» за народ свой, за наследие свое стоят старцы Божьи. Особенно во времена смутные.

Благодатные старцы принимают «зрак раба смиренного». Дух благодати и умиления овладел ими. Водимые Святым Духом, изумительно сильные милостью Божьей, властвуют они над духовными детьми своими. Тихо, безо всякой пышности и величия, приходят они в наши жизни. Приходят, чтобы спасти надломленное, согреть любовью едва тлеющее, отпустить измученных на свободу. Они, подобно Христу-Спасителю, наклоняются очень низко, дабы поднять трость надломленную, перевязать ее израненные части, восстановить цельность... Они возжигают вновь пламя давно угасшей свечи; на руках своих, «на груди Своей» (Ис. 40:11) носят они «овец Христовых». Душу свою «за други своя» положили, подвиг великодушия взвалили на свои плечи...

Преодолевая инстинкт самосохранения и вековечную закоснелость равнодушия, пробуждают они раскаяние в тех, кто «на дне», и голос совести начинает звучать в душах грешников. Они излучают очистительный импульс во тьму мира безбожного, на свой страх и риск — правдиво и честно — двигаются по жизни. Преодолевая роковой круг порочного бытия и вырываясь на орбиту вечного сияния света, открывают и для себя, и для других тайны неизреченные.

Господи, благослови такими старцами народ наш, общины и семьи наши, наследие наше!» — взмолилось сердце.

Печатью разумности отмечена жизнь благодатных старцев. От общения с ними «горит сердце». В кругу «разумных из народа» можно обрести и совет, и помощь. Духовный восторг посещает души тех, кто пребывает в общении мудрых. Невидимая духовная сила исходит от Божьих людей, укрепляя немощных и слабых, просветляя помутненное грехом сознание, вселяя веру в сердца сомневающихся. Разумные и святые люди излучают некие Божественные волны животворной энергии, от которых на душе становится тепло и радостно. Мы внутренне обогащаемся и обретаем «крылья духа» от их благодатных слов. Светлый взгляд Божьих людей согревает и вселяет оптимизм. Находясь в среде мудрых, хочется жить чисто, красиво и гармонично. Дух Святой, «дух премудрости и разума» (Ис. 11:2) пребывает на Божьих людях, и в этом их сила.

На пути к зрелости, на пути к совершенству благодатные старцы познают мудрость, которой делятся со своими ближними. Свое сердце они «наклонили к размышлению», и знание стало приятным для их души (Притч. 2:10). Водимые духом премудрости, они старательно усваивают «изречения разума» и «правила благоразумия» (Притч. 1:2-3). Во всех обстоятельствах жизни они сохраняют «здравомыслие и рассудительность» (Притч. 3:21). Истинные ученики Всевышнего всегда помнят, что

«Господь премудростью основал землю, небеса утвердил разумом» (Притч. 3:19). Они знают, что «человек, сбившийся с пути разума, водворится в собрании мертвецов» (Притч. 21:16). Однако им открыто и другое: призывание Божьего народа – излучать свет и дарить жизнь!

Соприкасаясь с благодатными, и мы причащаемся к утонченной духовной сфере и культуре. Мы начинаем понимать, что «красота в пустыне не сама по себе, а производная от прекрасной души человека». Нам вдруг открывается, что «истинная ценность – это любовь семейная, труд честный, мысль свободная, жизнь незлобивая, никому вреда не приносящая, красота духовная; и если воля, то благая, если усилие, то над самим собой работа, а не над другим, как над вещью». Без искусственности и напыщенности, естественно, в простоте и смирении, в сердечном сокрушении и мире совершают они свое служение. Не манипулируют и не спекулируют ближними. Тайна их влияния на людей – Сам Господь, незримо в них пребывающий. Божьи люди они.

Благодатные старцы – Божьи люди, одухотворенные свыше посланники-пророки. Они «глаголом» истины жгут сердца людей. Они расточают себя ради Него и спасения ближних. Посвященные Богу и умудренные от Него, Божьи люди обладают нетленным богатством, позволяя всем заблудшим прикоснуться к Истине. Жизнь, служение и творчество этих необыкновенных людей дают возможность человечеству окунуться «в суть вещей», обрести смысл и причаститься к Божественной гармонии.

Это правда, что «мудростью устраивается дом и разумом утверждается, и умением внутренности его наполняются всяким драгоценным и прекрасным имуществом» (Притч. 24:3-4). «Печать разумности» – привлекающая и просвещающая – сияет на лицах Божьих людей и поныне! И мрак фанатизма отступает... У него нет другого выхода.

